СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

Газета православного Прихода храма святого великомученика и целителя Пантелеимона поселка

КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Аристарха, митрополита Кемеровского и Прокопьевского

№ 51 СЕНТЯБРЬ 2013 г.

И свет во тьме светит, и тьма его не объяла. (Евангелие от Иоанна гл. 1, стих 5.)

В номере:

- Рождество Богородицы с.2
- О крещении с.3
- Странник с.3-4
- График пребывания святыни с.4
- История Православной Церкви с.5-6

С Рождеством Пресвятой Богородицы!

Рождество Богородицы —праздничная обыденность

Слово в день отдания

Протопресвитер Александр Шмеман

В сегодняшний день — отдание праздника Рождества Пресвятой Богородицы — ещё раз мысленно обратимся к этому событию и вновь задумаемся о подвиге Той, перед Которой склоняются Силы Небесные.

Основой почитания Марии в Церкви всегда было послушание Её Богу, свободное доверие, оказанное Ею почеловечески неслыханному призыву. Православная Церковь вообще всегда подчёркивала эту связь Марии с человечеством, и, если так можно выразиться, любовалась Ею как лучшим, чистейшим, возвышеннейшим плодом человеческой истории, человеческого искания Бога, и в Нем — последнего смысла, последнего содержания самого человечества.

Если на Западе, в западном христианстве, в центре почитания Марии всегда стоял образ Её как Девы, девство которой не нарушено было материнством, то для православного Востока такой сердцевиной любви его к Марии, созерцания Её и — повторяю ещё раз — радостного любования Ею с самого начала было и остаётся её Материнство, Её кровная связь с Иисусом Христом.

Православный Восток прежде всего радуется тому, что в пришествии Сына Божьего на землю, в спасительном явлении Бога, ставшего человеком, чтобы воссоединить его, человека, с Его Божественным призванием, что в пришествии этом приняло участие и само человечество.

Если самое радостное и глубокое в христианской вере — это «соприродность» Христа нам, то, что Он подлинно человек, а не призрак, не таинственное явление, что Он — один из нас, навеки с нами своим человечеством связанный, то тогда понятным становится и любовное почитание Той, которая Ему это человечество, нашу плоть и кровь, дала. Той, благодаря которой Он, Христос, мог называть себя так, как Он всегда себя называл: «Сын Человеческий». Сын Божий, Сын Человеческий...

Бог, снисходящий до человека, чтобы человека сделать Божественным, или, как говорят учителя Церкви, — обожить, сделать причастником Божества. Именно тут, именно в этом потрясающем откровении о подлинной природе, о подлинном призвании человека — источник благодарного, любовного отношения к Марии как нашей связи со Христом, и в Нем — с Богом.

И нигде это не раскрывается с большей ясностью, чем в празднике Рождества Богородицы. Об этом событии ничего не сказано в Священном Писании. Да и что особенного можно сказать о рождении ребёнка, рождении, подобном всякому рожденью. И если Церковь стала в особом празднике вспоминать и праздновать это событие, то не потому, что оно было чем-то исключительным, чудесным, из ряда вон выходящим, нет, а как раз потому, что сама обыденность его раскрывает новый и лучезарный смысл во всем том, что мы называем «обыденным», придаёт новую глубину тем подробностям человеческой жизни, о которых мы так часто говорим, что они «ничем не замечательны».

Но посмотрим на икону этого праздника, вглядимся в неё духовным нашим взором. Вот на постели — только что родившая дочь женщина. Церковное предание утверждает, что звали её Анна. Рядом с нею — отец, имя которого, по тому же преданию, — Иоаким. Рядом с постелью женщины совершают первое омовение новорождённой. Самое обыденное, ничем не замечательное событие. Но так ли это? Не хочет ли иконой этой сказать нам Церковь, прежде всего, что рожденье в мир, в жизнь нового человеческого существа — это чудо всех чудес, чудо именно разрывающее обыденность, ибо тут начало, у которого уже нет и не будет конца. Начало единственной, неповторимой человеческой жизни, возникновение новой личности, в появлении которой как бы заново творится мир, и вот — дарится, даётся этому новому человеку как его жизнь, как его путь, как его творчество.

Итак, первое, что мы празднуем в этом празднике, это пришествие в мир самого Человека, пришествие, о котором в Евангелии сказано, что когда совершается оно, мы не «помним уже скорби из-за радости, что родился человек в мир».

Второе: мы знаем теперь, чьё рожденье, чьё пришествие мы празднуем. Мы знаем единственность, красоту, благодатность именно этого ребёнка, его судьбы, его значения для нас и для всего мира.

И третье — мы празднуем и всё то, и всех тех, которые как бы подготовили Марию, наполнили Её этой благодатью и красотой.

Вот в наши дни много говорят о наследственности, придавая ей какой-то рабий, детерминистский смысл. Церковь тоже верит в наследственность, но духовную. Сколько веры, сколько добра, сколько поколений людей, живших высшим и небесным, нужно было, чтобы на древе человечества вырос этот изумительный и благоуханный цветок — пречистая Дева и всесвятая Мать! И потому это также и праздник самого человечества, веры в него, радости о нем. Увы, нам виднее и понятнее наследственность зла. И действительно, сколько зла вокруг нас, что эта вера в человека, в его свободу, в возможность доброй и светлой наследственности уже почти выветрилась в нас и заменилась скептицизмом и недоверием. Однако именно этот злой скептицизм, это унылое недоверие призывает нас оттолкнуть от себя Церковь в день, когда празднует она — и с какой радостью и верой — рожденье маленькой девочки, в которой как бы сосредоточилось добро, нравственная красота, совершенство, которые составляют подлинную человеческую природу. Ею, этой рождающейся девочкой, и в Ней встречает мир идущего к нему Христа. Он — наш дар, Ему — наша встреча с Богом. И вот мы уже на пути к Вифлеемской пещере, к радостной тайне Богоматеринства.

Приснодевство, то есть вечное Девство Марии, прославляет Церковь, ежедневно повторяя молитву, к ней обращённую: «Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...». Нужно ли доказывать, что эта вера в непорочное зачатие, в девство Марии составляет для очень многих людей своего рода «камень преткновения и соблазна», предмет недоумения и непонимания, предлог для обвинения христианства в суеверии и т. д. На недоумения эти верующие обычно отвечают: это чудо, в которое мы верим, в которое нужно верить, а понять его нельзя...

Ответ этот, для верующих самоочевидный, необходимо все-таки уточнить. С одной стороны, само собою разумеется, что если, как верят верующие, есть Бог — Творец мира и жизни и всех её законов, то Бог всесилен законы эти нарушать, то есть совершать то, что на обычном человеческом языке называется чудом.

Чудо — это нечто, выходящее за пределы ведомых нам законов природы, то, что, в противоположность «естественному», мы ощущаем как сверхъестественное. Если Бог — Бог, то Он, очевидно, бесконечно возвышается над «законами природы», всесилен, всемогущ и абсолютно свободен.

Все это так, и вера, отрицающая чудо, то есть подчиняющая Бога ограниченным законам природы, — уже, конечно, не вера. Но это не значит, что нам — верующим христианам — запрещено спрашивать себя, спрашивать свою веру — о смысле чуда. Ибо в том -то и дело, что христианское понимание чуда, понимание, идущее от Евангелия, от Самого Христа, — понимание это особенное, требующее от нас углублённого духовного внимания.

Прежде всего, образ Христа. Евангелие исключает понимание чуда как доказательства, как факта, принуждающего человека поверить. Я говорю — образ Христа... Действительно, если что доминирует в этом единственном образе, то это отнюдь не желание «доказать» при помощи чуда свою Божественность, а напротив — предельное смирение. Апостол Павел пишет о Христе удивительные слова: «Он, будучи образом Божиим, ... уничижил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, смерти крестной...».

Нигде, никогда, ни разу Христос не сказал, что Он родился чудесным образом — не употребил этого «доказательства». И когда Он висел на Кресте, всеми оставленный в страшной своей агонии, окружающие издевались над Ним требованием именно чуда: «сойди с креста, и мы поверим в Тебя». Но Он не сошёл со креста, и они не поверили в Него. Те же, кто поверил, — поверили именно потому, что Он не сошёл со креста, ибо ощутили всю Божественность, всю бесконечную высоту именно смирения, именно всепрощения, воссиявшего со Креста: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят...».

Я повторяю, нет в Евангелии, нет в подлинной христианской вере отношения к чуду как к доказательству. И нет потому, что такое доказательство — при помощи чуда — лишает человека того, что христианство считает в нем самым драгоценным, лишает его свободы. Христос хочет, чтобы люди поверили в него свободно, а не принуждаемые к вере «чудом». «Если любите меня, — говорит Он, — заповеди Мои соблюдите...». И любим мы Христа — в ту, увы, слишком слабую меру, в какую любим, — ни за что, не за всесилие, нет, а за Его любовь, смирение, за то, говоря словами слушавших Его, что «никогда не говорил человек так, как этот Человек».

Но Христос творил чудеса: Евангелие наполнено рассказами об исцелении Им болящих, оживлении умерших и т. д. И потому уместно спросить: в чем же тогда их смысл, этих чудес, которые Христос все же являл миру? Если Христос, по словам евангелиста, не совершал чудес там, где не верили в Него, если Он обличал людей за то, что они ждут и хотят от Него чуда, то почему же Он творил их?

Только ответив на этот вопрос, сможем мы, может быть, понять и чудо всех чудес — приснодевство Марии, Матери Его, и недрогнувшую веру Церкви в это чудо.

Прежде всего, все чудеса, о которых мы знаем из Евангелия, совершены были Христом по любви. «Он сжалился над ними...», — говорит евангелист. Сжалился над родителями умершей девочки, над вдовой, потерявшей единственного сына, над празднующими и радующимися, у которых не хватило вина, над слепыми, хромыми, страдающими. И это значит, что источником чуда была и остаётся любовь. Не для себя, не для того, чтобы прославить себя, явить себя, свою Божественность, доказать её людям, творит чудо Христос, а только потому, что любит и, любя, не может вынести страдания безнадёжно пленённого злом человека.

Объяснение это, однако, как будто, не относится к тому чуду, о котором идёт речь: к рождению Христа от Девы, к Её приснодевству... Это действительно единственное по существу своему чудо, если так можно выразиться, тайное, только вере открытое и только верою удостоверяемое, источник свой имеет в нашей вере в то, что Христос есть Бог, ставший человеком, принявший на себя наше человечество, чтобы его спасти.

Спасти от чего? Да как раз от полного, безысходного порабощения природе и её неумолимым законам, что делает нас только частью природы, только материей, только «плотью и кровью». Но человек — не только от природы. Он, прежде всего, от Бога, от свободной Божьей любви, от Духа.

И вот только это утверждает наша вера: Христос от Бога, Божий, Его Отец — сам Бог. С Него, с Его рождения, с Его пришествия в мир начинается новое человечество, которое не от плоти и не от похоти, которой мы подчинили себя, а от Бога. Сам Бог обручается с человечеством в лице лучшего плода Его: пречистой Девы Марии, а через Неё, через Её веру и послушание даёт нам Сына Своего единородного. В мир входит, с нами соединяется Новый Адам и восстанавливает того — первого, — который был создан не «природой», а Богом. Вот что — с трепетом и радостью — узнаем мы, если верим во Христа, вот почему, принимая Его как Бога и Спасителя, мы узнаем в Матери Его лучезарное приснодевство, и через него — победу в мире Духа и Любви над материей и её законами.

http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2457

Тем, кто был крещён в детстве: не гордитесь опытом злоупотребления православием

протодиакон Андрей Кураев

Что Церковь может сказать людям, крещёным в детстве, как бы верующим и намеревающимся и своих детей крестить, потому что в России так положено? Ответ формальным православным предлагает протодиакон Андрей Кураев.

Людям, которые были крещены в детстве, но потом не имели опыта церковной жизни, я бы, прежде всего, посоветовал не гордиться этим своим опытом — опытом злоупотребления православием. И не считать, что вы — носители культурной нормы; это не так. Люди, крещёные без всякой подготовки, крещёные родителями-коммунистами в советские годы, это — больное поколение. Да, в то время Церковь считала, что лучше пусть так, чем никак. Но всё-таки это — некое искажение церковной нормы.

Церковь может крестить ребёнка только при условии полного доверия к его родителям. Потому что если семья действительно православна, то можно быть уверенным в том, что родители воспитают ребёнка в церковном духе. В советские времена такой уверенности точно не было и, тем не менее, крестили. Это была историческая и каноническая аномалия.

А сегодня я с сожалением вижу много людей, которые говорят: «Ну, вот видите, меня же вот так просто крестили. И ничего — вырос, и как бы даже в Бога верю. Поэтому давайте с моими детьми и внуками всё будет точно так же».

Подобная позиция всё-таки очень некорректна.

Во-первых, надо понять, что людей, которые были крещены в детстве, но затем не воспитаны в православии, обокрали. То есть своими родственниками и советской системой они были лишены очень многого. В частности — детского переживания веры. Удивительно видеть, как младенчики переживают мир церковной жизни, насколько чудо для них органично, как оно вписано в их мир. Вот этой радости детской веры вас лишили.

Вас лишили и радости юношеской, подростковой дерзающей веры — когда человек по юношеской горячности и, может быть даже, юношеской дури, ставит на себе эксперименты — мистические, постовые, аскетические: «Я попробую стать святым! Я мечтаю идти путём мучеников!»

Это тоже отсутствовало в вашей жизни.

Перечень утрат можно перечислять долго, но не это главное — главное — смотреть вперёд.

Христос никогда не спрашивал человека о его прошлом. Встречая людей, Он всегда обращался к тому человеку, который находился перед Ним сейчас, в сегодняшнем состоянии. И неважно, что было позади. Встреча с Христом даёт тебе возможность начать с нуля, и это чудо «обнуления долгов» называется таинством покаяния. Поэтому человек крещёный, но нецерковный может пойти путём второго крещения, для которого заходят не в купель, но в таинство покаяния.

Для этого можно прийти на исповедь, но опять же, не просто формально перечислив то, что вы считаете грехами. Должно быть чувство отторжения себя от своих грехов. Покаяние — это радикальная переоценка того, что было, когда человек начинает стыдиться того, чем гордился раньше. Скажем, у мужиков принято гордиться своими боевыми счетами и количеством девушек, которых они сделали своими. Кто-то, возможно, считал себя умелым пройдохой и человеком, который умеет влюблять в себя начальников, делать карьеру. В общем, раньше человек считал, что он знает в жизни толк, а потом вдруг понял, что успехи эти были эфемерными…

Важно дать такою переоценку себе, своему прошлому, и уже после начать всерьёз жить церковной жизнью. И подобная перемена никогда не может быть запоздалой. Даже если человек совершает её в последнюю минуту жизни — это уже хорошо. Но откладывая эту перемену до последнего дыхания, вы обкрадываете себя, потому что делаете свой спектр восприятия мира беднее.

http://www.pravmir.ru/tem-kto-byl-kreshhyon-v-detstve-ne-gordites-opytom-zloupotrebleniya-pravoslaviem-video/

СТРАННИК

Лет 100 назад по дорогам России ходили странники и странницы, калики перехожие, богомольцы — те, кто паломничал по святым местам и жил милостыней. Странноприимство — предоставление ночлега и пищи богомольцам — почиталось одной из христианских добродетелей. При каждом монастыре была «странноприимница» — гостиница, в которую принимали всех приходивших бесплатно, во славу Божию.

Сейчас странников не осталось. Хотя тяга к странствиям живет в нашем сердце, зовет в путь, тревожимая протяжным гудком поезда дальнего следования или белоснежной дорогой, уходящей в неизвестные просторы. Тяга к странствиям рождает строки поэта милостью Божией:

Благодати исполнены кущи,
Пруд, заросший туманом, кадит.
Мир тебе, одиноко идущий,
И тому, кто тебя приютит.

Помню, я слушала эту песню отца Романа, и она затрагивала в душе какие-то неведомые струны, звала за собой.

И, крестами себя пообвесив,
Побреду неизвестно куда,
Заходя в близлежащие веси,
Стороной обходя города.

Правда, я твердо знала: сейчас странников нет, ну, или почти нет. И вот встретила одного из них в Дивеево. Но все по порядку.

На святом источнике монастыря безлюдно. Конец ноября, тихо падает снег, деревья в инее. Часовенка стоит белоснежная. И от морозного воздуха вода купели кажется еще холоднее. Топчусь нерешительно у купальни и собираюсь с духом.

— Смелее, сестричка! Это ж только на пользу — для здоровья…

Оборачиваюсь и вижу: рядом с часовенкой сидит путник. Одежда простая, но теплая, для дороги — в самый раз, за плечами рюкзак, видно: паломник опытный. Очень добрые и умные глаза — они привлекли мое внимание. Завязалась беседа.

Так я познакомилась с Володей. Он подарил мне свою историю, которую разрешил рассказать.

Володе 50 лет, а выглядит он лет на десять моложе. Вообще, я заметила, что многие верующие люди, внимательные к своей духовной жизни, выглядят моложе своих лет. Может, из-за постов и благочестия? А может, потому что к старости все наши страсти на лице проступают: и гнев, и похоть, и гордыня? А они со страстями всю жизнь борются… И чистота души внешне проявляется, светится в добрых глазах, во всем облике…

Володе было 8 лет, когда умерла мама. В дом вошла мачеха. В 12 лет мальчишка ушел из дома и стал бродяжкой.

— Почему ты убежал из дома? Мачеха плохая была?

— Почему плохая… Хорошая…

— Ладно. Осуждать ты не хочешь, понятно… Поставим вопрос иначе: она тебя любила?

— Она любила водочку…

Володя объездил всю страну на электричках. К спиртному его не тянуло никогда, Господь уберег. Нравилось путешествовать, места новые видеть. Кто знает, может, и пропал бы, превратившись в бомжа. Но Господь промышлял о сироте. В Бога Володя верил с детства, мама была верующей. Но после ее смерти в храме не бывал. И вот как-то в электричке один убогий калека, сидя на скамейке и болтая обрубками ног, сказал юноше:

— Вижу я, что ты пока парнишка чистый. Что ты в миру-то трешься? Чему ты здесь научишься? А ты вот поезжай в Почаев! Что это такое? А это, братец, монастырь такой… Сама Божия Матерь там прошла… И стопочка ее есть… Там так хорошо! Эх! Как начнут молиться, как будто и не на земле стоишь, а уже на небесах!

А Володя к тому времени ноги уже сильно обморозил во время своих путешествий. И очень захотелось ему в этот самый Почаев. Может, маму вспомнил, может, службы церковные, когда ребенком был. Зима, сугробы, ветер завывает. А в храме тепло с мороза, лампадки так уютно горят, пахнет чудесно. Все это ожило в памяти. И решил Володя: «Еду в Почаев!»

И ведь доехал! Это был конец 70-х годов, и атеистической пропаганде не было видно конца. В монастыре не разрешали оставлять молодых насельников, регулярно устраивали облавы. Преследовали и паломников. Пойманных судили за тунеядство. А то и в психиатрическую больницу отправляли. Оттуда выпускали, превратив в инвалидов. Увидят, что не жилец уже, тогда и выпустят. В этой больнице мучили в 60-е годы и прославленного ныне в лике святых Амфилохия Почаевского. Вывело его оттуда живым только заступничество дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, которую старец когда-то вылечил.

Будущая духовная мать Володи, схимонахиня, тоже этой лечебницы не избежала. Выпустили умирать. Ходить она уже не могла. Ноги отекли и стали как тумбы от сильнодействующих лекарств, которыми пытались «вылечить» ее от веры в Бога. Священник соборовал умирающую. После соборования на ногах открылись язвы, и из них потоком хлынула дурно пахнущая жидкость. А потом ноги приняли обычный вид, и она отправилась в храм, благодарить Бога за исцеление.

Когда Володя добрался до Почаева и вошел в церковь, у него было сильное искушение. Как будто кто-то шептал ему на ухо, да злобно так: «И зачем только ты сюда приехал?! Плохо здесь, плохо! Уезжай быстрей отсюда!» Смотрит Володя: действительно, плохо. Не нравится ему здесь. Один клирос — мужской, поют слишком громко. И чего орут?! А второй, женский, что ли? Или смешанный? Пищат чего-то… И не разберешь, что пищат. А вокруг бабульки с котомками толкаются. То одна его своей котомкой пихнет, то другая. Нет, ничего хорошего нет здесь, надо скорее уезжать…

Решил Володя уехать, да побыстрей. Поднял глаза на икону Божией Матери, да так и застыл. Пережил он в тот момент настоящее чудо. Видимо, Богородица это чудо сотворила, чтобы бесовские прилоги от неопытного паломника отогнать. Почувствовал Володя теплоту, которая как бы сверху на него спустилась, на голову. И прошла через все тело. И стало враз всему телу так тепло, так хорошо! И сами собой слезы полились. Льются потоком, да и только.

А вокруг все оказалось в каком-то розовом сиянии. И слышит он: один клирос поет — мощная и сильная молитва. А другой клирос — нежно так, как ангельский хор. А толкают его со всех сторон — так это будто волны в море покачивают. И стало Володе так хорошо, так хорошо! И понял он, что это его Божия Матерь вразумляет. И показывает, как все вокруг него духовно выглядит. В духовном мире.

Так и остался Володя в Почаеве. В самом монастыре прожил год. Но оставаться там постоянно молодому человеку в то время было очень трудно: власти строго следили, чтобы молодых в монастырь не принимали. И паренек присоединился к странникам. Странники эти знали еще преподобного Кукшу и Амфилохия Почаевского.

(Продолжение на стр.4)

(Начало на стр.3)

Они ходили по одному и тому же маршруту: Почаев — Божья Гора — источник святой праведной Анны. На Божьей Горе тоже был святой источник. Вот за ними и ухаживали странники.

Источник святой праведной Анны, по преданию, был построен на месте явления чудотворной иконы Божией Матери. В те времена было принято на месте обретения икон возводить часовни и устраивать купальни. Когда икона Пресвятой Богородицы явилась людям, они рассказали об этом местному помещику. Тому жалко было денег на возведение часовни, и он заявил: «Какая там икона?! Я ничего не вижу!» После этих слов помещик на самом деле перестал видеть — ослеп. Прозрел он только после слезного покаяния и строительства часовни. Сейчас там находится скит.

К святым источникам приезжали тысячи людей. Исцелялись, искупавшись, и приходили к вере или укрепляли ее. Когда исцеление происходит на глазах у всех, то вера становится крепкой, живой.

Володя рассказывал, как на его глазах в источнике искупалась хромая женщина, которую с трудом привел на Божью Гору ее сын, молодой неверующий мужчина. Как с иронией и насмешкой наблюдал он за молитвой матери перед иконами. И как сменилась эта насмешка слезами раскаяния и радости, когда после купания мать оставила костыли и потихоньку пошла, а потом и побежала по Горе, ликуя от счастья.

Сам Володя, окунувшись в источник, увидел, что обмороженные когда-то ноги стали синими. Сначала испугался. А после купания увидел, как больные ноги принимают совершенно здоровый вид, какой был у них до обморожения. Так исцелился начинающий странник.

Атеисты не могли, конечно, терпеть укрепления в людях веры в Бога. Собирался комсомольский актив сел, общественники, коммунисты, с ними обычно были и представители власти, милиция. Они приезжали и закапывали источники, забрасывали их мусором, битым стеклом, песком, лили масло. Ломали или сжигали иконы, каплицы. И уезжали. Источник святой праведной Анны вообще залили бетоном, но вода все равно пробилась. Когда источник снова засыпали землей, вода вновь ударила с новой силой, исцеляя и даруя жизнь.

Странники приходили и восстанавливали святые источники. Расчищали место, снова вешали иконы и чистые рушники, убирали песок и стекла, мусор. И всегда находились люди, которые помогали им материально: давали краски и доски для икон, рушники, материал для восстановления. Интересно, что часто эти благодетели были из числа тех самых общественников и представителей власти, которые принимали участие в разрушении святых источников. Днем они делали то, что диктовала безбожная власть, а ночью — то, что шептал им голос совести.

Неделю, самое большее, месяц, все оставалось в порядке, после чего следовал следующий визит безбожников и снова — разрушение. А странники приходили опять и снова все восстанавливали. Жили они милостью Божией. Спали, где придется: в лесу — так в лесу, под кустом. Пустят в баньку или в хату — спаси Господи! Ели тоже что придется. Большинство из них сожгли свои документы, отказавшись быть гражданами безбожного государства.

— А ты, Володя?

— Я? Тоже, конечно, все попалил.

— А вас ловили?

— А то как же?! И охотники на нас шли с двух сторон строем, а мы, как зайчики, под кустами сидели, и милиция приезжала, облаву устраивала. И общественники преследовали.

— Тебя хоть раз поймали?

— И в милицию забирали неоднократно, и допросы устраивали. Но Господь хранил как-то. Приедет милиция с облавой к хате, где мы ночуем, из машины выйдут. А мы в окно их увидим — и все на колени. Читаем 90-й псалом: «Живый в помощи Вышняго». Сердечко бьется, трепещет. Молитва горячая… Они постоят, покрутятся вокруг хаты, в шеренгу выстроятся. А заходить — не заходят. Как будто решиться не могут. А потом или кто-то позвонит им по рации, или просто, как будто они чего-то испугались — сядут быстро в машину и уедут восвояси. А мы в изнеможении на пол опустимся…

Володя научился писать иконы, резать по дереву. 20 лет провел он в Почаеве, оберегая и восстанавливая святые источники с Божьими странниками.

А потом пришли времена, когда канула в прошлое безбожная власть. Никто больше не разрушал святые источники. Отпала нужда прятаться по лесам от преследователей. Жизнь большинства странников Божьих, которые ходили с юным Володей по лесам и полям, подошла к концу. Переселились они в другие края, «иде же несть печаль, ни болезнь, ни воздыхание». Да и сам Владимир был уже не юношей. Годы перевалили 40-летний рубеж.

И стал тогда Володя странствовать по святым местам России. Опять на электричках, а когда и пешком. Был у любимой Матронушки в Москве, в Троице-Сергиевой Лавре, в Дивеево… Да где только не был! И на Дальнем Востоке, и в Крыму, и на Урале… Устав от многолюдства городов и сел, он жил подолгу в лесу. Прошел пешком всю Чусовую по уральской тайге. На перевале Дятлова чуть не погиб в снегопаде, еле успел спуститься вниз.

— Знаешь, как в тайге хорошо? Город или село — там люди, музыка, шум, крики… Где человеку отдохнуть? А в тайге — хорошо! Очень я люблю лес! Зверюшек люблю… А они меня не трогают: чуют, что я человек мирный, не охотник, не рыбак.

— А кого из зверей ты видел?

Мишку несколько раз видел… Иду мимо речки, смотрю: игрушка, что ли, такая большая плюшевая? Страха, главное, никакого нет… А он на меня смотрит — глаза круглые, нижняя губа отвисла, от удивления, видать. Я отвернулся в сторону, чтоб его не сердить, да и пошел тихонько. А он рыкнул — и в другую. Я манси одному рассказал, что подумал про мишу: «Мишка плюшевый».

— А манси смеется: “Ну-ну… А он про тебя подумал: “Завтрак туриста “.

— А еще кого видел?

— Косулю. Она кричит — как собака лает. Лося видел. Кабана. А знаешь, какие птицы любопытные?! Вот, представь, две сойки на двух деревьях сидят и по очереди выглядывают, на меня смотрят. Интересно им. А филин тоже — любопытный такой! Как начал надо мной летать! А потом сел и стал головой качать в разные стороны, как будто думу думает.

— И как тебе там, в тайге? Одному?

— Знаешь, так хорошо! Чувствуешь такой мир в душе, такой покой. И любовь. К людям, к зверюшкам, птичкам — ко всему миру Божьему. Чего думаешь, злиться, сердиться… Смотрите, как хорошо! Как чудесно все Господь сотворил! Красота!

— А не страшно одному?

— Так я ж с молитвой иду! Всех святых вспомню: Матронушку, преподобного Серафима Саровского, святителя Николая Чудотворца. Батюшка Серафим один в лесу жил, снытью питался, травой такой… И Трифона Вятского вспомню, и Симеона Верхотурского. Тоже ведь странники были… Как о них подумаю, так сердце и взыграет! А начнешь Иисусову молитву читать, так и тепло станет, согреешься…

— А если дождь, снег, мороз?

— Как-то встретил в тайге туристов. Один из них, при полном параде, мне и говорит: «Что это на тебе одежда такая — прошлого века? И почему ты без палатки? Сейчас новые материалы есть, современные. Наденешь такую одежду — и холода не чувствуешь совсем! А палаточки! Легкие, комфортные! А ты — как первобытный человек! Так и замерзнуть можно! Хочешь, я тебе подарю комбинезон из суперсовременного материала?» Поблагодарил я его, но отказался. А про себя подумал: «Да уж… Если надеть современную туристическую одежду, да еще палаточку, да еще удочку и ружьишко… Так, может, тогда и вовсе никуда не ходить? Остаться в доме, в квартире? Тепло, и сухо, и комфортно… Все удобства…»

Володя улыбается по-доброму, а я вспоминаю Оптинского схиигумена Гавриила (Виноградова). Он отказывался, когда чада пытались усовершенствовать быт любимого больного батюшки. Ему дарили заварочный чайник, а он его возвращал назад, приговаривая: «Так к такому чайнику нужно же ситечко! А потом и пошло-поехало!» Сколько лишних вещей можно приобрести, когда приобретение чего-то одного тянет за собой покупку массы другого…

Володя продолжает:

— Понимаешь, ты идешь и сливаешься с природой. И молишься. Чувствуешь природу так, как будто ты — часть ее. Не отгораживаясь синтетикой. Понимаешь?

— Понимаю, вот только мы с тобой сейчас с источника идем, и я замерзла сильно после купания. Ветер еще такой в лицо… Смотри — как раз магазин. Давай зайдем — чуть согреемся?

— Зайди, зайди…

Я захожу и вдыхаю теплый воздух магазина, тру ледяные щеки и нос. Оборачиваюсь и вижу, что мой спутник не зашел вслед за мной. Жду пару минут, и выхожу на улицу, где сильный ледяной ветер метет поземку. Володя спокойно стоит на ветру и ждет меня.

— Ты чего не зашел? Замерз ведь?

— Да, замерз. Так и хорошо… Когда мерзнешь, ум просветляется…

— Ты и в тайге так же?

— Понимаешь, это не я — такой супермен. Я — так себе, обычный, слабый человек. Да и не странник я никакой сейчас… Какой же я сейчас странник?! Никто сейчас не гонит, не преследует, никаких святынь не восстанавливаю… Я сейчас — просто бомж… Бродяга… Хоть и по святым местам бродяга… Ты меня странником-то не величай… Понимаешь, я уже просто не могу жить на одном месте, с малых лет ходил… Вот те Божьи странники, которых я знал — вот это были настоящие странники. Они за веру подвизались, о святынях заботились… Идешь с ними — по колено в воде, по болоту, под дождем… Несколько суток напролет мокрый. По естеству должен человек заболеть. А под защитой Божией — даже не чихнешь. Есть бывает нечего несколько дней. Бывало, ели рябину, шиповник, грибы, даже листья смородины дикой. По естеству ты должен ослабеть от голода. Ведь проходишь много километров. А под защитой Божией голода не чувствуешь. Есть совсем не хочется.

Звери тебя могут в тайге растерзать. А ты идешь — и чувствуешь Божий покров. И Божью помощь. Звери тебя не боятся, и ты их не боишься… Идешь по дикой тайге, по естеству должен заблудиться. А с Божией помощью не заблуждаешься. Вот как преданная хозяину собака за много километров находит свой дом, даже если дороги не знает. Так и ты — молишься, включается интуиция, как бы компас такой внутренний, и Господь ведет тебя. А вот если начнешь не на Бога, а на себя полагаться — на одежду суперсовременную, да еще на ружье или удочку — тогда не знаю…

А ночью, у костра, откроешь Евангелие и читаешь, и будто открывается тебе все новое и новое. Читаешь главу, много раз перечитанную, смотришь — а вот то, что ты раньше не понимал! Смысл открывается…

Володя вздыхает. Он устал — давно так много не разговаривал.

Через несколько дней мы попрощались. Я смотрела ему вслед и думала: разными стезями идем мы к Богу. Один спасается путем смирения, другой — терпения, третий — рассуждения, четвертый — милосердия. Кто-то — благочестивой семейной жизнью, кто-то — монашеским подвигом, кто-то — путем странника. И как различны эти пути!

Мы в кругу семьи, друзей, коллег, или среди монашеской братии, а он один. Только душа и Бог. Мы покупаем и приобретаем, и, даже, когда полон дом вещей, находим, что еще прикупить. А он все свое носит с собой. Мы опасаемся дефолта и кризиса. А у него нет не только денег, но и пристанища, а часто и хлеба, зато есть вера в Промысл Божий. Наши глаза и чрево вечно несыты. А он привык обходиться малым. Такие мы разные.

Но на самом деле, между нами — много общего… Все мы — странники по жизни, и время неумолимо отсчитывает часы нашей короткой земной биографии. Господи, Ты проведи нас Сам по нелегкой нашей дороге! Нас, заплутавших, запутавшихся, заблудших, обремененных грехами многими и жестокими скорбями. Не оставь нас, милосердный Господи, не дай заблудиться Твоим странникам. Помоги рабу Божьему Владимиру не сбиться с пути! Дай, милосердный Господи, нам, блудным сыновьям Твоим, упование — в конце пути увидеть Тебя, Отца и Бога нашего. И устало вздохнуть, и тихо заплакать от счастья в Твоих Отеческих объятиях.

Ольга Рожнёва

http://www.pravoslavie.ru/put/64039.htm

График пребывания чудотворной иконы Божией Матери «Скоропослушница» в Кузбасской митрополии.

1. Знаменский кафедральный собор г. Кемерово (17.09-20.09);
2. храм Святой Троицы г. Кемерово (20.09-22.09);
3. храм прп. Сергия Радонежского г. Кемерово (22.09-23.09);
4. храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» г. Кемерово (23.09-24.09);
5. храм святителя Николая Чудотворца г. Полысаево (24.09-26.09);
6. храм святых новомучеников и исповедников Российских г. Ленинск-Кузнецкий (26.09-28.09);
7. Свято-Серафимо-Покровский женский монастырь г. Ленинск-Кузнецкий (28.09-29.09);
8. храм Воскресения Христова г. Ленинск-Кузнецкий (29.09-30.09);
9. храм Вознесения Господня г. Белово (30.09-02.10);
10. храм иконы Божией Матери «Скоропослушница» г. Киселевск (02.10-04.10);
11. собор Рождества Иоанна Предтечи г. Прокопьевск (04.10-06.10);
12. **собор Преображения Господня г. Новокузнецк (06.10-13.10);**
13. **храм Рождества Христова г. Новокузнецк (13.10-17:10);**
14. храм великомученика Георгия Победоносца г. Таштагол (17.10-19.10);
15. храм Святой Троицы г. Осинники (19.10-21.10);
16. храм Всех Святых г. Междуреченск (21.10-23.10);
17. храм Рождества Иоанна Предтечи г. Юрга (23.10-25.10);
18. храм праведного Иоанна Кронштадтского г. Березовский (25.10-27.10);
19. Никольский собор г. Кемерово (27.10-28.10).

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в №27-50)

Евсевий собрал собор своих единомышленников и покорных ему епископов в Никомидии. Собор постановил, что Арий отлучен ошибочно, и обратился с просьбой к Александру пересмотреть решение своего собора. Решения обоих соборов были разосланы по всей Империи.

Евсевий Кесарийский

Тем временем в Александрии Арий и его последователи пользовались полной свободой, а Александр и Церковь были притесняемы. Происходила форменная травля епископа Александра. Подкупленные проститутки на углах кричали о своей связи с Александром и т. д. Александр также рассылал свой обвинительный томос против Ария на подпись широких кругов епископата.

Константин, к 324 г. победивший Лициния и прибывший в Никомидию, весьма не одобрил всего спора и скандала. Больше всего он желал сохранить мир в Империи. Всего догматического смысла спора он не понимал.

Константин направил письма епископу Александру и Арию, призывая их прийти к согласию и примириться. Текст его довольно характерен для отношения Константина к Церкви. Вот что он пишет: "О благое и божественное провидение! Как жестоко поразила мой слух или, точнее, самое сердце весть, что вы, через которых я надеялся дать исцеление другим, сами имеете нужду в гораздо большем излечении... Ведь это же пустые слова, споры по ничтожному вопросу. Для умственной гимнастики специалистов, может быть, и неизбежны такие споры, но нельзя же смущать ими слух простого народа. Виноваты оба: и Александр и Арий. Один задал неосторожный вопрос, другой дал необдуманный ответ... (Далее император советует брать пример благоразумия - как надо спорить - с языческих философов, которые хотя и разногласят иногда, но все-таки не разрывают общения друг с другом.) ...А если так, то не гораздо ли лучше вам, поставленным на служение Великому Богу, проходить это поприще с единодушием?.. Возвратите мне мирные дни и спокойные ночи. В противном случае мне не останется ничего другого, как стенать, обливаться слезами и жить без всякого покоя. Пока люди Божии - говорю о моих сослужителях - взаимно разделяются столь неоправданной и гибельной распрей, могу ли я быть покоен в душе своей?"

Письмо повез в Александрию советник Константина по церковным вопросам епископ **Осий Кордубский**. Свт. Осий стал исповедником в Диоклетианово гонение. Свою кафедру он занимал до смерти в 359 г. Он консультировал Константина в суде над донатистами, где произвел глубочайшее впечатление на императора своей духовностью и мудростью и с тех пор стал его постоянным советником. В Александрии Осий встретился со всеми сторонами и убедился в важности спора и в правоте Александра. Наверное, во всех этих переговорах сыграл роль молодой диакон Александра **Афанасий**.

Свт. Афанасий Великий

Потом Осий направился в Сирию, чтобы проверить причины поддержки Ария другим влиятельным епископом, Евсевием Кесарийским (будущим церковным историком), и его сторонниками. В Антиохии состоялся собор, на котором председательствовал Осий. На нем Евсевий Кесарийский и его единомышленники были запрещены в служении до рассмотрения их дела предстоящим великим святым собором в Анкире.

Отцы собора называют Сына "воистину порождением, порождением по преимуществу", "образом Отца во всем" и "по природе непрелагаемым (т.е. нравственно неизменяемым), как и Отец".

3. Итак, новый, великий и святой Собор планировался в Анкире. Однако Константин, по рассмотрении, перенес место его проведения в **Никею**, поближе к своей резиденции в Никомидии, чтобы иметь возможность лично контролировать ситуацию.

Таким образом состоялся **Первый Вселенский Собор**. Епископы были созваны на него императорским указом **весной 325 г.** Прогоны, почтовые лошади - все это было бесплатно предоставлено Империей. Константин звал всех, всех, всех. Приглашались делегаты не только из Империи, но и заграничный епископат: из Сирии, Армении, Кавказа, Персии. К тому времени соборная практика уже была всеобщим правилом. Но то были соборы **местные**: в Африке, в Александрии, в Сирии, в Азии. Даже соседние области, например Египет и Антиохия, ни разу не собирались вместе.

Вообще это первое собрание такого рода в истории. Единство Римской империи было весьма умозрительным понятием. Ни разу ее представители с разных концов не собирались вместе, не совещались, не съезжались, почти даже не знали друг друга. Мысль о всеобщей личной встрече, неком светском, культурном "соборовании", была чужда Империи.

Только христианская Церковь, переросшая уровень двух миров - иудаизма и эллинизма, породила и осмыслила саму идею всеобщности, вселенскости, всемирности человеческой истории, сознательно оттолкнувшись от всех обветшавших местных национализмов. "Нет ни эллина, ни иудея, но всё и во всем Христос". Константин потому и стал Великим, что эта идея пленила его. Закладывая в основу перерождаемой Империи новую религиозную душу, он творил историческое дело выше дела самого августа. Рождалась подлинная вселенскость, которую осознал не епископат, а римский император. Церковь приняла из рук Империи эту форму соборности и начала пользоваться ею с полной готовностью, опираясь на силу и технику государственного механизма.

Константин не сразу пришел к этому осознанию роли соборности. Его попытка залечить донатистский раскол путем "челночной дипломатии" не удалась, и он должен был созвать епископский собор в Арле, чтобы справиться с этой задачей. Наученный этим опытом, он, чтобы решить дело с арианством, созвал Собор епископов со всего мира. Сама идея созыва главой государства Собора христианской Церкви была совершенно беспрецедентной. Константину пришлось скопировать всю процедуру со старых сенатских правил. Он или его представитель действовали как princeps, или консул, который председательствовал на Соборе и играл роль посредника между сторонами, в то время как римский епископ - как primus inter pares - или его представитель имели принадлежащее princeps senatus право голосовать первым. Однако от императора, как от председательствующего, не требовалось соблюдения нейтралитета. Он мог вмешиваться в споры и доводить до внимания сторон свое мнение. Практика эта также началась на Никейском Соборе, где Константин предложил слово ομοούσιος и приложил все усилия, чтобы оно было принято епископами; затем как глава государства он считал своей задачей добиться проведения в жизнь всех решений Собора и исполнения их.

4. Запад на приглашение императора откликнулся плохо. Римский папа **Сильвестр** прислал двух пресвитеров в качестве своих легатов. Кроме них и Осия Кордубского, с Запада прибыло лишь 4 делегата (в том числе Цецилиан Карфагенский и один епископ из Галлии).

С Востока из-за границы Империи прибыли: по одному епископу из Питиунта (Пицунды) на Кавказе, из Босфорского царства (Керчи), из Скифии, два делегата из Армении и один из Персии. Множество исповедников прибыло с Кипра, в том числе и св. Спиридон Тримифунтский. Вопреки житийной истории, у нас нет документально подтвержденных сведений о присутствии на Соборе св. Николая из Мир Ликийских, что, впрочем, не исключает теоретическую возможность его присутствия там.

Полного списка участников и протокола заседаний не сохранилось. Однако резолюция, решение и постановление Собора были точно сформулированы и подписаны.

Соборный епископат пробыл на казенном содержании с конца мая до конца августа. За это время и состав участников, и их количество, естественно, изменялись, поэтому мы имеем разноречивые сведения о количестве участников. По свидетельству очевидцев - от "более 250" до "более 300". По общепринятой традиции считается, что всего на Соборе было 318 делегатов. В списках, которые дошли до нас, содержится до 220 имен епископов.

Константин поручил председательство на Соборе **Евстафию Антиохийскому**. Император оказал особое почтение исповедникам, лично встречая у дверей и лобызая каждого из них. Собор открылся **20 мая, 19 июня** было принято главное постановление, а **25 августа** состоялось торжественное закрытие - банкет в честь 20-летнего юбилея царствования Константина. На нем Евсевий Кесарийский произнес похвальную речь Константину.

Вначале Константин произнес вступительное слово на латыни - официальном языке Империи: "Не медлите, о други, служители Божии и рабы общего нашего Владыки Спасителя! Не медлите рассмотреть причины вашего расхождения в самом их начале и разрешить все спорные вопросы мирными постановлениями. Через это вы совершите угодное Богу и мне, вашему сослужителю". Потом начались жаркие прения. Император принял в них деятельное участие. Евсевий пишет: "Кротко беседуя с каждым на эллинском языке, василевс был как-то усладителен и приятен. Одних убеждая, других усовещавая, иных, говорящих хорошо, хваля и каждого склоняя к единомыслию, василевс, наконец, согласил понятия и мнения всех о спорных предметах". Константин также намекнул, что он хотел бы увидеть оправдание своего друга Евсевия Кесарийского, взгляды которого он полностью разделяет. Однако это не значило поддержки императором арианства. Арий и его сторонники выступали очень смело, рассчитывая на благосклонность императора. Православные с жаром возмущались. Наконец Евсевий Кесарийский, жаждавший оправдания, выступил с компромиссным предложением - воспользоваться в качестве соборного вероопределения текстом знакомого всем крещального символа.

Арий на I Вселенском Соборе

Константин выслушал это предложение благосклонно и, как бы между прочим, предложил добавить к нему всего лишь одно словечко ομοούσιος (единосущный) и еще ряд незначительных поправок. Очевидно, что слово это посоветовал ему Осий Кордубский, предварительно сговорившийся с Александром Александрийским и его диаконом Афанасием.

Звучит никейское определение так: "Веруем во Единаго Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго. И во Единаго Господа Иисуса Христа, **Сына Божия**, рожденнаго от Отца, Единороднаго, т.е. **из сущности Отца**, Бога от Бога, Света от Света, Бога истиннаго от Бога истиннаго, **рожденного, несотворенного, единосущного Отцу**, через Которого все произошло как на небе, так и на земле. Нас ради человеков и нашего ради спасения сошедшаго и воплотившагося, вочеловечившагося, страдавшаго и воскресшаго в третий день, восшедшаго на небеса и грядущаго судить живых и мертвых. И в Святаго Духа". Заканчивалось определение анафематизмом: "А говорящих, что было время, когда не было Сына, или что Он не был прежде рождения и произошел от несущего, или утверждающих, что Сын Божий из одной ипостаси или сущности, или создан, или изменяем, - таковых анафематствует кафолическая Церковь". Мы видим, что никейское определение заметно отличается от нашего Символа веры.

Поразительно, но 218 из 220 епископов подписали его. Два ливийских епископа, которые не подписали, сделали это, скорее всего, из-за 6-го канона Собора, подчинившего их область Александрийскому архиепископу.

Кроме доктринального вопроса, Никейский Собор привел к единообразию вычисление даты празднования Пасхи. Была проведена календарная реформа и постановлено, что Благовещение всегда должно праздноваться в весеннее равноденствие - 25 марта.

Помимо этого, были приняты решения в связи с мелетианским расколом в Египте и 20 канонов относительно церковной дисциплины. Это так называемые каноническо-практические постановления об отношении Церкви к членам разных еретических учений и сект, о приеме "падших", а также о епископах: им было запрещено перемещение с кафедры на кафедру; уточнялось, что епископ должен быть хиротонисан епископами своей провинции (если возможно) числом не менее трех; хиротония могла быть заблокирована (вето) властью митрополита (епископа главного города провинции - метрополиса).

Три епископа (Рим, Александрия и Антиохия), традиционно пользовавшиеся некоей властью за пределами своей провинции, получили подтверждение этих своих прав. Рим получил права на Южную Италию, Александрия - на Верхний Египет и Ливию. Четкие границы Антиохийского влияния не были определены. "Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаполе, дабы александрийский епископ имел власть над всеми сими. Понеже и римскому епископу сие обычно. Подобно и в Антиохии, и в иных областях да сохранятся преимущества церквей. Вообще же да будет известно сие: аще кто, без соизволения митрополита, поставлен будет епископом: о таковом великий Собор определил, что он не должен быть епископом. Аще же общее всех избрание будет благословно и согласно с правилом церковным; но два или три, по собственному любопрению, будут оному прекословити: да превозмогает мнение большего числа избирающих" (Правило 6).

Отдельным каноном особый почет был предоставлен Иерусалиму - матери всех церквей. Однако митрополичья кафедра осталась в Кесарии Палестинской: "Понеже утвердися обыкновение и древнее предание, чтобы чтити епископа, пребывающего в Елии: то да имеет последование чести, с сохранением достоинства, присвоенного митрополии" (Правило 7).

Примечания

7. Субординатизм означает неравенство Лиц Троицы: Сын и Дух вторичны по отношению к Отцу.

8. Этот пример был использован в XX в. украинскими автокефалистами, которые рукоположили своего епископа силами одного священства, без участия епископов. Даже если принять сообщение Иеронима за подлинное, то все равно участие епископов в епископской хиротонии в Египте было необходимым, пресвитеры лишь сослужили им.

(Продолжение на стр.6)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

III. Арианские споры после Никейского Собора (1)

1. В Никее епископы подписали Символ веры почти без раздумий, вместе со словами "**Единосущного Отцу**". Новая формулировка была принята практически без споров и обсуждений, как бы между делом. Подписали Символ даже оба Евсевия (Никомидийский и Кесарийский). Позднее некоторые епископы спохватились, что совершили, пожалуй, ошибку. Согласно легенде, многие из них, подписывая, добавляли в спорное слово букву "йота": ομοιούσιος (омиусиос), существенно изменив смысл термина: вместо "**единосущного**" выходило "**подобосущный**". Но сказано ведь, что и "йота закона не пройдет". Не прошла и эта уловка.

Единосущие казалось сомнительным по двум основным причинам:

1) оно вводило в соблазн простых верующих, так как было единственным небиблейским словом в "Символе Веры";

2) единосущие было осуждено на Антиохийском соборе 268 г. как модалистский термин в учении Павла Самосатского.

Тогда, в III в., следуя Оригену, многие говорили, что Бог существует в трех **Ипостасях** (υπόστασις). Однако в аристотелевой терминологии греческое слово "**ипостась**" означало некие качественные свойства, имеющиеся у **сущности** (ουσία). Поэтому **единосущие** для многих предполагало, что три Божественные Ипостаси имеют лишь относительное значение и представляют собой всего лишь различные способы (т.е. модусы) выражения одной и той же сущности - иными словами, несомненный **модализм**.

С другой стороны, на латынь слово "ипостась" переводилось как **субстанция (substantia)**, которое значило ровно то же самое, что и ουσία - сущность. (Слово **essentia** вошло в употребление лишь в XII-XIII вв. с началом схоластического богословия.)

Неудивительно, что для западных богословов учение о трех ипостасях было равносильно учению о трех сущностях, т.е. звучало как недвусмысленное **троебожие (тритеизм)**, поэтому западное духовенство всегда стояло за *единосущие*.

Следовательно, тут основным был терминологический вопрос. Термины требовали прояснения, чтобы можно было проповедовать богословие и по-гречески и на латыни и в то же время избежать как модализма, так и троебожия.

После Никейского Собора восточные епископы почти единодушно отвергли **единосущие**. Слово "омиусиос" (подобосущный) казалось им гораздо более приемлемым. Но не стоит винить их всех в арианстве. Действительно, требовалось много времени и пояснений, чтобы термин был понят в православном смысле и принят. Однако западные богословы, плохо разбиравшиеся в этих тонкостях, не могли вникнуть в восточные проблемы и, продолжая придерживаться православной никейской веры, считали всех, не принимающих ее, чистыми арианами.

2. Таков был фон развернувшихся событий. Их главным героем стал **свт. Афанасий Александрийский**. Родился св. Афанасий в Александрии в христианской семье. Он получил хорошее образование, хотя и не изучал философии. В молодых летах предавался самому строгому аскетизму. В 319 г. он был посвящен в диаконы епископом Александром Александрийским. В диаконском сане он участвовал в Никейском Соборе. После смерти Александра (328 г.) был избран его преемником и занимал епископскую кафедру 47 лет, из которых 15 провел в изгнании.

Св. Афанасий был человеком необычайно цельного и героического характера. Он всю жизнь свою положил на борьбу с арианской ересью. Однако, не будучи тонким дипломатом, он не желал признать, что термин "единосущие" смущал многих своей двусмысленностью и потому нуждался в дополнительных разъяснениях. Для него "**единосущие**" было боевым кличем, от которого зависела судьба Православия и в конечном итоге наше спасение, ибо если воплотился не Бог, а тварь, то трагический разрыв между Творцом и творением не был преодолен.

Ключ к богословской системе св. Афанасия (так же как и у Оригена) - его учение о сотворении мира. По Оригену, творение есть проявление самой сущности Бога. Бог не может не творить. Творимые им разумные твари находятся в вечном общении с Творцом. Главная слабость системы Оригена - его отрицание времени (время в системе Оригена лишь иллюзия). И тварь и Бог лишаются истинной свободы, они вечно привязаны друг к другу - они как бы скованы одной цепью.

Св. Афанасий различает божественную природу (φύσις) и волю (θέλημα). По Своей природе Бог - Отец. Он рождает Сына, Он посылает Святого Духа. Но сотворение мира происходит по всеблагой воле Бога. Теоретически Бог мог бы и не творить мира, но Он не мог не родить Сына. Творение существует по воле Бога, но и само по себе. Бог сотворил мир и человека - центр и венец творения - с определенной целью. Однако грехопадение отклонило его от этой цели. В мир вошли смерть и тление - мощная космическая реальность, - воцарившиеся в этом мире.

Спасение для св. Афанасия - не просто прощение грехов, а избавление мира от смерти и тления. Это не спекулятивная проблема, как для Оригена, а вопрос жизни и смерти. Тварный мир - настоящий, живой и потому драгоценный в глазах Бога. Смерть можно победить изнутри ее же оружием, смертью, - смертью воплощенного Бога. Ради этого происходит Боговоплощение, которым превозмогается власть смерти, уничтожается тление.

Достижение нетленного состояния, **обожение** - это подлинная цель человеческой жизни. Ключевая фраза св. Афанасия, необходимая для того, чтобы понять его взгляды: "Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом". Бог воспринял плоть, чтобы мы могли стать носителями Духа.

Сражаясь с арианством за единосущие, св. Афанасий отстаивал самый смысл, самое существо христианства. Воплощение, смерть и воскресение Христа принесли миру спасение. Отрицая единосущие Христа Отцу, арианство угрожало разрушить самые сущность и основание христианской веры: человечество нуждается в спасении, но спасение возможно только от Бога, поэтому Христос - и Человек, и Бог - иначе мы не спасены.

Св. Афанасий твердо знал, что, только отстояв единосущие, можно отстоять чистоту христианской веры. Для него это был вопрос жизни и смерти, поэтому он не вдавался в богословские тонкости - не до этого было. Отсюда некоторая терминологическая путаница в его творениях. Например, он употреблял как синонимы υπόστασις и ουσία, что осложняло проблему. Но надо отдать ему должное - в нужный момент он сумел проявить гибкость и понять, что дело не в терминах, а в вере.

Великий александриец не дожил до Константинопольского Собора 381 г., но в конце своей долгой жизни он знал о каппадокийских отцах, которые объяснили и выразили никейскую веру так, что она стала приемлемой для большинства восточных богословов.

3. Во время жизни Константина никейское вероисповедание осталось неоспоримым критерием правой веры. Но друзья Ария смогли вернуть многие позиции, утраченные летом 325 г. Это удалось им прежде всего благодаря хитрой политике царедворца-епископа Евсевия Никомидийского.

Евсевий подписал Никейское определение, но уже через месяц принял Ария в евхаристическое общение в Никомидии во время процесса рассмотрения апелляции последнего. Константин, узнав об этом, тут же отправил в ссылку и Евсевия. Однако тот вскоре вымолил себе прощение и вернулся, поняв, что нужно действовать иначе. Нужно было устранить трех главных никейцев: епископов Евстафия Антиохийского, Афанасия Александрийского и Маркелла Анкирского.

Легче всего оказалось справиться с **Евстафием Антиохийским** - он имел несчастье поссориться с Еленой, матерью Константина, на ее пути паломничества в Иерусалим. Дальше убрать его было делом техники. В 326 г. он был низложен Собором в Антиохии и отправлен в ссылку, откуда уже не вернулся.

Афанасий Александрийский оказался куда более крепким орешком. В 328 г. он был избран архиепископом Александрийским. Вскоре он получил письмо от императора, что Арий согласился подписать Никейское определение (правда, с небольшими поправками и оговорками) и должен быть возвращен в общение с Александрийской церковью. Афанасий отказался, и когда его вызвали "на ковер" к Константину, настолько впечатлил императора своими личными качествами, что тот отпустил его с миром и более не требовал восстановления Ария.

Евсевий тогда пошел другим путем: в Египте все еще продолжался мелетианский раскол. Ариане подкупили мелетиан, и те стали пачками слать жалобы на Афанасия во все инстанции. Были среди них самые абсурдные: что Афанасий посылал золото каким-то бунтовщикам, что он убил мелетианского епископа Арсения, а руку его отрезал и приберег себе для колдовства. А самого Арсения клеветники спрятали в дальнем монастыре. Афанасию несколько раз удавалось убедить Константина в своей невинности, и тот всякий раз писал ему благосклонные письма. Но невольно за св. Афанасием утвердилась репутация смутьяна, чего Константин, более всего ценивший мир и спокойствие, не мог выносить.

В 335 г. в Тире собрался Собор, который низложил св. Афанасия, несмотря даже на то, что он привез туда живого Арсения, якобы убиенного им, и несмотря на то, что Арсений продемонстрировал всем собравшимся обе свои руки. Не дожидаясь осуждения, Афанасий бежал оттуда на груженной лесом барже и прибыл в Константинополь - добиваться справедливости у императора. Однако Евсевий нашел свидетелей, утверждавших, что Афанасий призывал к забастовке докеров в Александрии, что сорвало бы поставки хлеба в Константинополь. Константин потерял терпение и сослал Афанасия в Трир. Тут важно отметить, что против Афанасия никогда не было принято никаких доктринальных постановлений, а только дисциплинарные.

Третьим вождем "никейской" партии был **Маркелл Анкирский** - участник Никейского Собора, убежденный антиоригенист. Он воевал против "разделения" Бога на три Ипостаси. Для него важнее всего было единство Бога в смысле библейского богословия, а не Платона или Оригена. Ему был присущ определенный библейский фундаментализм, который его и подвел. Его любимая цитата: "Когда же все покорит Ему [Сын Отцу], тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем" (1Кор.15:28). Отсюда Маркелл выводил, что различия между Сыном и Отцом временны и в конце веков исчезнут. Таким образом, учение Маркелла Анкирского можно назвать своего рода историческим модализмом.

В 335 г. Константин пригласил всех восточных епископов принять участие в освящении храма Воскресения Господня в Иерусалиме (Гроб Господень), на котором он также намеревался отметить 30-летие своего императорства и примирение со всеми арианами. Маркелл отказался, был обвинен в ереси и неуважении к императору и в начале 336 г. был низложен Константинопольским Собором и сослан.

Приблизительно в это время умер Арий. Смерть его покрыта туманом неизвестности. Он был покинут и забыт всеми. Арий написал письмо Константину, жалуясь, что стар и болен и что все его влиятельные и сильные друзья, такие как Евсевий Кесарийский, оставили его. Константин великодушно постановил вернуть его из ссылки и принять в общение в Константинополе. Но непосредственно перед восстановлением евхаристического общения с Церковью Арий внезапно умер. Лет через 20 после этого св. Афанасий рассказал историю о том, как патриарх Константинопольский Александр молился о том, чтобы Господь не допустил Ария к причастию, и как Арий, направляясь в Церковь, вдруг умер постыдной смертью в отхожем месте. Но, как бы там ни было, фактически Арий умер задолго до своей физической смерти: о нем все забыли, и как человек он более ничего не значил.

Вскоре после этих событий скончался император Константин. Незадолго перед своей смертью на Пятидесятницу 337 г. Константин был крещен Евсевием Никомидийским. В гробу он лежал в белой крещальной рубахе. Похоронили его в построенном им городе - Константинополе - в церкви 12 апостолов, где находились символические гробницы 12 учеников Христовых с их мощами. Отсюда и происходит его почетный титул - равноапостольный.

4. Константин планировал, что Империя вновь станет тетрархией, как во время Диоклетиана. Он разделил ее между своими тремя сыновьями и племянником. Однако армия отказалась принять этот план, начался бунт, в ходе которого были убиты все родственники Константина мужского пола, кроме двух маленьких мальчиков - Галла и Юлиана. Три сына Константина разделили империю между собой. 21-летнему Константину II достался Запад, 16-летнему Констанцию - Восток и младшему - 15-летнему Констансу - Центр (Италия и Северная Африка). В 340 г. разразилась война между Константином II и Констансом. Константин был убит, и Констанс стал западным императором. На этом посту он оставался до своей смерти от узурпатора Магнентия в 350 г. Констанс был православным, Констанций - арианином.

(Продолжение в №52)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru
Адрес:
654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.